

ГАННИБАЛ ЛЕКТЕР

Комплект из 4 книг

Ганнибал Лектер

Томас Харрис

**Ганнибал Лектер.
Комплект из 4 книг**

«ЭКСМО»

1981, 1988, 1999, 2006

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Харрис Т.

Ганнибал Лектер. Комплект из 4 книг / Т. Харрис — «Эксмо», 1981, 1988, 1999, 2006 — (Ганнибал Лектер)

ISBN 978-5-04-246520-8

Комплект из 4 книг - платите меньше, читайте больше! С состав входят: «Красный дракон», «Молчание ягнят», «Ганнибал», «Восхождение Ганнибала». «Красный дракон». ВЕЛИКАЯ КНИГА ВЕЛИЧАЙШЕГО ИЗ МАСТЕРОВ ЖАНРА. Томас Харрис – самый известный из современных мастеров триллера. После окончания университета Бэйлора будущий писатель работал репортером уголовной хроники, много путешествовал по Европе. С 1968 по 1974 год сотрудничал с «Ассошиэйтед пресс» в Нью-Йорке. В 1975 году опубликовал роман «Черное воскресенье», ставший бестселлером в США и Европе. Все последующие романы Т. Харриса становились международными бестселлерами. Они были переведены на многие языки мира и неоднократно экранизировались. НАЧАЛО ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО И УЖАСНОГО ГАННИБАЛА ЛЕКТЕРА. Роман, предваряющий культовую книгу «Молчание ягнят». Знаменитая экранизация с Энтони Хопкинсом в главной роли. Зайдя в тупик в расследовании дела серийного убийцы, прозванного Красным Драконом, ФБР обращается к доктору Лектеру. Ведь только маньяк может понять маньяка. Легендарному Ганнибалу Лектеру придется вступить в интеллектуальную схватку с другим серийным убийцей. Какую изощренную игру решил затеять доктор, решив помочь ФБР? «Молчание ягнят». Второй роман о Ганнибале Лектере. Один из самых культовых триллеров XX века. Его сенсационная экранизация с Энтони Хопкинсом и Джоди Фостер получила пять премий «Оскар». Мы все безумцы – или, может быть, это мир вокруг нас сошел с ума? Доктор Ганнибал Лектер – блестящий психиатр, но мир может считать себя в безопасности только до тех пор, пока он будет находиться за стальной дверью одиночной камеры в тюрьме строгого режима. Доктор Лектер – убийца. Он – гурман-людоед. Клэрис Стерлинг – курсант академии ФБР. Она восприимчива к чужой беде, и именно это определяет все ее поступки. Судьба заставляет героев действовать совместно в деле о поимке

Буффало Билла – опаснейшего маньяка-убийцы... Вершина творчества величайшего из мастеров жанра. Второй роман о Ганнибале Лектере. Один из самых культовых триллеров XX века. Его сенсационная экранизация с Энтони Хопкинсом и Джоди Фостер получила пять премий «Оскар». Доктор Ганнибал Лектер - блестящий психиатр, но мир может считать себя в безопасности только до тех пор, пока он будет находиться за стальной дверью одиночной камеры в тюрьме строгого режима. Доктор Лектер - убийца. Он гурман-людоед. Клэрис Стерлинг - курсант академии ФБР. Она восприимчива к чужой беде, и именно это определяет все ее поступки. Судьба заставляет героев действовать совместно в деле о поимке Буффало Билла - опаснейшего маньяка-убийцы. **«Ганнибал»**. ТРЕТИЙ РОМАН О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ. Феноменальное продолжение романов «Красный дракон» и «Молчание ягнят» было экранизировано знаменитым Ридли Скоттом с неподражаемым Энтони Хопкинсом в главной роли. Интеллектуальный поединок между Ганнибалом Лектером и Клэрис Старлинг продолжается. Легендарный убийца-каннибал – вот уже семь лет как на свободе. Клэрис Старлинг – специальный агент ФБР – вот уже который год лелеет мечту арестовать его. Но есть и те, кто мечтает о кровавой мести доктору Лектеру. И их изощренные планы далеки от правосудия. Ускользая от своих преследователей, ему все же придется столкнуться со своим главным противником – агентом Старлинг. Сможет ли кто-то из них выйти победителем? Напряжение в романе растет от страницы к странице: от жаркой перестрелки в начале книги до невероятного финала в Буэнос-Айресе в канун нового тысячелетия... **«Восхождение Ганнибала»**. ЧЕТВЕРТЫЙ РОМАН О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ. ВЕСЬ МИР ЧИТАЕТ КУЛЬТОВУЮ СЕРИЮ О ГАННИБАЛЕ ЛЕКТЕРЕ. Книги о докторе Лектере выходят многомиллионными тиражами, став классикой не только детективно-остросюжетного жанра, но и современного психологического романа. **«Восхождение Ганнибала»** – роман о взрослении Лектера и его восхождении к вершинам зла. Это – феноменальная предыстория событий, изложенных Томасом Харрисом в «Красном Драконе», «Молчании ягнят» и «Ганнибале», с огромным успехом экранизированных в Голливуде. Доктор Ганнибал Лектер – легендарный антигерой нашего времени, гений и злодей одновременно. Что сделало его таким? Ответ кроется в прошлом героя. Как немой испуганный мальчик с цепью на шее, замерзший в снегах Восточного фронта, мог носить в себе столько демонов? И, несмотря на вновь обретенную семью, эти демоны продолжали навещать и мучить Ганнибала. Пока он не вырос – и не обратился к ним сам... **«Гипнотическая фигура доктора Ганнибала Лектера – культового антигероя современной литературы – встает со страниц романа в полный рост»**. Publishers Weekly *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-246520-8

© Харрис Т., 1981, 1988, 1999, 2006

© Эксмо, 1981, 1988, 1999, 2006

Содержание

Красный дракон	7
1	8
2	13
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Томас Харрис

Ганнибал Лектер. Комплект из 4 книг

Красный дракон

*Сердце человека – Милосердие,
Жалость и Печаль – его лицо,
Любовь – его божественное тело,
Покой – его бессменная одежда.*

Уильям Блейк, из цикла «Песни
невинности» (Божественный образ)

*Сердце человека – Бессердечность,
Ревность с Завистью – его лицо,
Ужас – его дьявольское тело,
Тайна – его вечная одежда.
Сердце человека – голодная бездна,
Лицо человека – закрытая печь,
Тело человека – кузница огня,
Одежда человека – кованое железо.*

Уильям Блейк, из цикла «Песни
опыта» (Божественный образ).
Перевод на русский язык Ларисы Васильевой

© Гусев В. В., перевод на русский язык, 2010

© ООО «Издательство «Э», 2015

1

Усадив Крофорда за небольшой столик, стоявший в нескольких шагах от полоски приборной панели, Уилл Грэм предложил ему стакан чая со льдом. Джек Крофорд оглянулся на старый, но очень симпатичный дом – его крепкие просоленные доски сверкали в ярком свете дня.

– Надо было поговорить с тобой еще в Марафоне, сразу как закончилась твоя смена на верфи, – начал Крофорд. – Здесь ты вряд ли захочешь об этом говорить.

– Джек, я вообще не хочу об этом говорить, – ответил Грэм. – Но раз уж приехал – выкладывай. Только без фотографий. Скоро придут Молли и Вилли. Я не хочу, чтобы они все это видели.

– Что ты об этом знаешь? – спросил Крофорд.

– Не много. Лишь то, что напечатано в «Майами геральд» и «Таймс»: месяц назад в Бирмингеме была убита семья, позавчера в Атланте – вторая. В обоих случаях почерк схожий.

– Не схожий, а одинаковый, – поправил Крофорд.

– Ложных признаний много? – осведомился Грэм.

– Сегодня после обеда звонил нашим, было восемьдесят шесть. Психи. Ни один не знает, что тот бьет зеркала и использует осколки.

– Чего еще не знают газетчики? – спросил Грэм.

– Убийца – блондин, правша, физически сильный. Сорок пятый размер обуви. Умеет завязывать беседочный узел. Работает в резиновых перчатках.

– Ну, об этом ты говорил в интервью.

– Замки открывать, видимо, не умеет, – продолжал Крофорд. – Последний раз, чтобы попасть в дом, вырезал стекло алмазом. Чуть не забыл, у него первая группа крови, резус положительный.

– Его что, кто-нибудь зацепил?

– Насколько нам известно, нет. Определили по сперме и слюне. Он относится к тем, у кого в секреторных выделениях содержатся антигены группы крови.

Крофорд посмотрел вдаль, на спокойную воду океана.

– Уилл, я хочу тебя спросить, – осторожно начал он. – Ты ведь видел газеты. А после второго убийства была куча телерепортажей. Неужели тебе ни разу не захотелось мне позвонить?

– Нет.

– Почему? – поинтересовался Джек.

– Бирмингемский случай описывали очень скупо. Убийство как убийство. Может, месть, а может, с родственником что-нибудь не поделили, – объяснил Грэм.

– Но после Атланты ты, конечно, понял, кто тут замешан, – возразил Крофорд.

– Да. Психопат, – согласился Грэм. – А не позвонил потому, что не хотел. Что я, не знаю, кто у вас там работает? Да таких криминалистов еще поискать надо. Тебе, поди, помогают и Гаймлих из Гарвардского университета, и Блум из Чикагского...

– В то время как некоторые продолжают чинить долбаные лодочные моторы.

– Вряд ли я на что-нибудь сгожусь, Джек. Я обо всем этом уже и думать забыл.

– Да ну? А двое последних, которых мы посадили? Ведь брал их ты.

– Да ладно тебе. Ничего особенного я не делал.

– Ничего особенного? Да ты же думаешь по-другому, не как все!

– Правильно, теперь ты будешь этот бред повторять...

– Постой, постой. Ты же выходил на них внезапно, ни с того ни с сего. Как? До сих пор никто не знает.

– Улики анализировал, вот как, – проворчал Грэм.

– Какие улики? Улики потом появились, после ареста. Ты вспомни, мы даже мотив установить не могли!

– Джек, у тебя неплохая команда. От меня особого прока не будет. Я нарочно забрался сюда, чтобы уйти от всего.

– То, что тебя ранили, я не забыл. Но сейчас ты вроде выглядишь нормально.

– А я и чувствую себя нормально. Дело не в том, что меня порезали. Тебя тоже резали.

– Резали, но не так сильно.

– Дело не в этом. Просто я решил поставить точку. Не могу объяснить почему.

– Не можешь больше на все это смотреть? Прекрасно понимаю, ей-богу.

– Нет, не смотреть. Смотреть просто приходится. Приятного, конечно, мало, но работать с трупами можно научиться, привыкнуть, что ли... А вот допросы, больницы... Когда все это стоит перед глазами, а нужно думать, думать, думать... Нет, не потяну. Смотреть еще бы смог, а постоянно об этом думать – уволь...

– Эти уже мертвые, Уилл, – произнес Крофорд, стараясь, чтобы голос звучал как можно теплее.

Слушая Грэма, Крофорд узнавал в речевом ритме и построении фраз свою собственную манеру говорить. Он замечал это за Грэмом и раньше, в беседах с другими. В напряженные моменты Грэм вдруг начинал как бы копировать собеседника. Поначалу Крофорду казалось, что Уилл делает это намеренно, рассчитывая разговорить собеседника, но потом он понял, что тот сам ничего не может поделать: это происходит помимо его воли.

Крофорд двумя пальцами вытащил из внутреннего кармана пиджака две фотографии и бросил их на стол изображением вверх.

– Уже мертвые, – повторил он.

Грэм на секунду задержал взгляд на его лице. Потом потянулся за фотографиями.

Перед ним были два любительских снимка. На одном – пруд. По склону берега поднимается женщина. В руках у нее – корзина для пикника. За ней идут трое детей и утка. На другом – семья вокруг праздничного торта.

Не прошло и полминуты, как Грэм положил снимки на стол. Пальцем он подвинул верхний так, что тот аккуратно совместился с нижним. Он отвернулся и посмотрел вдаль. У самой воды он увидел мальчика: сидя на корточках, тот что-то искал в песке. Рядом, по щиколотки в воде, стояла подбоченясь женщина и наблюдала за ним. Вот она повернулась к воде спиной, наклонилась и откинула влажные волосы с плеч.

Грэм некоторое время наблюдал за ними, словно забыв о Крофорде.

Крофорд понял, что приехал не зря. Он правильно выбрал место для разговора, теперь важно не показать радости.

«Похоже, поддается, – подумал он. – Теперь пусть дозревает».

Подожли три на редкость страшные дворняги и улеглись у стола.

– Это что такое? – спросил Крофорд.

– По-моему, это собаки, – ответил Грэм. – Сюда со всей округи приходят щенков топить. Тех, что посимпатичнее, мне удастся пристроить. Те, что остаются, вырастают вот в таких.

– Довольно упитанные.

– Молли подкармливает. Она жалеет бродячих собак.

– Вы неплохо здесь устроились, – произнес Крофорд. – Сколько мальчику лет?

– Одиннадцать, – сказал Грэм.

– Славный парень. Вырастет – будет выше тебя.

Грэм кивнул.

– Отец у него был высокий... А жить здесь здорово, ты прав. Я хотел перевезти сюда Филлис, выйти на пенсию, обосноваться тут как следует. Надоело жить как перекасти-поле. Она скачает – ничего удивительного. Все ее друзья остались в Арлингтоне.

– Кстати, передай ей, что я благодарен за книги, которые она мне приносила в больницу. Сам я не успел.

– Конечно, передам.

Прямо на стол сели две птички, видимо надеясь найти остатки джема. Крофорд смотрел на них, пока они не упорхнули.

– Очевидно, на этого типа влияет луна, Уилл. Джейкоби он убил в субботу, двадцать восьмого июня, в полнолуние. Двадцать шестого июля, позапрошлой ночью, – Лидсов. За один день до полнолуния. В следующий раз полная луна выйдет почти через месяц. У нас есть три недели, чтобы подготовиться к встрече. Не думаю, что ты сможешь спокойно сидеть и ждать, пока газеты сообщат о его новой вылазке. Черт возьми, Уилл, я ведь не проповедь читать приехал. Скажи, тебе не безразлично мое мнение?

– Конечно нет, – ответил Грэм.

– С твоей помощью у нас больше шансов быстро его взять. Так что давай седлай – и по коням. Поезжай в Атланту, в Бирмингем, посмотри, а потом приезжай в Вашингтон. Я же не предлагаю тебе вернуться в штат, – продолжал уговаривать Крофорд.

Грэм молчал.

Волны набегали на берег и откатывались назад. Крофорд помедлил, потом встал, накинул пиджак на плечи.

– Ну ладно, – сказал он, – поговорим после ужина.

– Оставайся с нами, – предложил Грэм.

Крофорд покачал головой.

– Не могу, – ответил он. – Мне будут звонить в гостиницу, еще надо кое с кем связаться. Передай Молли спасибо за приглашение.

Взятая напрокат машина Крофорда оставила после себя облако редкой пыли, осевшее на придорожных кустах. Грэм вернулся к столу. Он уже знал, что потом будет вспоминать последний день счастливой жизни на мысе Шугалауф именно вот так: стол красного дерева, тающие кусочки льда в двух стаканах, салфетки, разлетающиеся от ветра, и далекие силуэты Молли и Вилли.

Закат над мысом Шугалауф: неподвижные цапли и уходящий за горизонт солнечный диск. По лицам Уилла и Молли, сидящих на выбеленном морской водой бревне, выброшенном на берег, бродили оранжевые блики. Их спины отбрасывали фиолетовые тени. Молли взяла Грэма за руку.

– По дороге Крофорд заглянул ко мне в магазин, спросил, как сюда проехать, – сказала она. – Я пыталась до тебя дозвониться. Хоть иногда подходи к телефону. У дома мы увидели его машину, ну и свернули на пляж.

– Он о чем-нибудь еще тебя спрашивал?

– Да, поинтересовался, как ты.

– И что ты ему сказала?

– Сказала, что у тебя все в порядке и чтобы он оставил тебя в покое. Что ему надо? – спросила Молли.

– Джек хочет, чтобы я изучил улики, я ведь как-никак судмедэксперт. Ты видела мой диплом.

– Да, видела, когда ты заклеивал им дырку в обоях на потолке. – Она оседлала бревно, чтобы видеть его глаза. – Если бы ты тосковал о своей прежней жизни, о том, чем ты занимался раньше, ты бы сказал. Так мне кажется. Но ты же молчишь. С тобой сейчас легко и спокойно... таким я тебя люблю.

– Нам хорошо, правда?

Она зажмурилась, поморщившись, и Грэм понял, что сказал что-то не то.

Он хотел поправиться, но Молли продолжала:

– Работа с Крофордом пошла тебе во вред. У него полно людей, за ним все государство! Почему он не может оставить нас в покое?

– Я на следственную работу уходил из академии дважды. И оба раза работал под его началом. Те два дела даже для него были в новинку, а уж у него-то следственный стаж – ого-го! И вот опять... Психопаты такого типа – редкость. Ну а Крофорд знает: у меня есть... опыт, что ли.

– Да уж, – сказала Молли.

Рубашка на Грэме была расстегнута, и она видела шрам, пересекавший живот до самого паха. Выпуклый, шириной в палец шрам белел на фоне загорелой кожи.

За год до того, как Грэм встретил Молли, это ранение нанес ему ножом для резки линолеума доктор Ганнибал Лектер. Уилл тогда чудом остался в живых. Лектер – Ганнибал-Каннибал, как позднее окрестили его журналисты, – был вторым психопатом на счету у Грэма. Поправившись, Грэм уволился из Федерального бюро расследований, уехал из Вашингтона во Флориду и устроился работать механиком-мотористом на небольшую верфь в Марафоне. Грэм был знаком с этой работой с детства. Сначала жил в трейлере, пока не переселился к Молли, в ее старый уютный дом на мысе Шугалауф.

Грэм сел верхом на выброшенное прибоем бревно и взял руки Молли в свои. Грэм почувствовал, как под его подошвами ступни Молли зарывались в песок.

– Видишь ли, Крофорд вбил себе в голову, что у меня нюх на маньяков.

– А сам ты как думаешь?

Грэм отвел взгляд. Над ровной полосой берега один за другим летели три пеликана.

– Молли, психопата, если он не глуп, поймать трудно. Особенно садиста. Во-первых, нет мотивов преступления. Значит, этот путь закрыт. Во-вторых, почти никакой помощи от информаторов. Чаще всего задержание преступника – результат доноса, а не собственно розыскной работы. А в таких делах стучать просто некому, понимаешь? Никто ничего не знает, иногда даже сам психопат – часто он просто не отдает себе отчета в своих поступках. Поэтому приходится брать след – иногда единственный – и думать, думать... Нужно влезть в его шкуру, воссоздать картину, найти закономерности его поведения.

– А затем выследить и поймать, – вставила Молли. – Я боюсь, что если ты начнешь выслеживать этого маньяка, или как его там, то он просто всадит в тебя нож, как в прошлый раз, понимаешь? Мне страшно за тебя.

– Он не увидит моего лица, не будет знать моего имени. Когда его найдут, то брать буду не я, а полиция. Крофорд просто хочет знать мое мнение.

Молли отвернулась. Солнце напоследок окрасило волны и перистые облака в вышине багряным цветом.

Слева ее профиль был не таким правильным, и Грэму нравилось, как Молли поворачивает голову – просто, без тени кокетства. Увидев пульсирующую на шее жилку, Грэм вдруг отчетливо вспомнил вкус соли на ее коже. Проглотив подступавшую слюну, он сказал:

– Что же мне делать, черт побери?

– По-моему, ты уже все решил. Если ты будешь сидеть здесь, а он там будет убивать и убивать, вполне возможно, что ты возненавидишь это место. Знаешь, как в фильме «Ровно в полдень»?¹ Если так оно и будет, то зачем тогда меня спрашивать?

– А если я все-таки спрошу?

– Оставайся со мной. Со мной и с Вилли – я и его брошу на весы, если он что-нибудь для тебя значит. Я – что, мне положено смахнуть слезу прощания и помахать платком. А если все закончится печально, я успокоюсь мыслью, что ты не мог поступить иначе. Только спокойствие

---

¹ Американский классический вестерн, где главную роль играет Гари Купер.

это закончится с последними тактами твоего похоронного марша. А потом я приеду домой и включу половину одеяла².

– Меня и близко к нему не подпустят.

– Так я тебе и поверила. Я эгоистка, да?

– Да. Но мне все равно.

– И мне. Мне никогда не было до такой степени хорошо. Я знаю, потому что помню все, что было со мной раньше. И поэтому я ценю то, что у нас есть сейчас, понимаешь?

Грэм кивнул.

– Я ни в коем случае не хочу лишиться этого, – сказала Молли.

– Я тоже. Все будет нормально, вот увидишь.

Быстро стемнело. На юго-западе, низко над горизонтом, показался Юпитер. Они пошли к дому в свете ущербной луны. В море, далеко за отмелями, из воды выпрыгивала мелкая рыбешка, пытаясь спасти свою жизнь.

Крофорд пришел после ужина. Снял пиджак, галстук и закатал рукава, чтобы придать себе непринужденный вид. Молли было противно смотреть на его полные бледные руки. Он был ей смешон своей недалекой хитростью. Пока Грэм с Вилли кормили собак, она провела его на террасу, посадила под вентилятором и налила кофе. Говорить ей не хотелось. Было слышно, как о сетки в окнах бьются мотыльки.

– Знаешь, Молли, а Уилл хорошо выглядит, – сказал Крофорд. – Да и ты тоже. Вы оба такие стройные и загорелые.

– Что бы я ни сказала, ты все равно его увезешь? – спросила она.

– Да, это необходимо. Я не могу поступить иначе. Но я тебе торжественно обещаю, что сделаю все, чтобы ему было как можно легче. Он теперь совсем другой. Здорово, что вы поженились.

– Ему лучше с каждым днем. И кошмары мучают реже. Одно время он был просто помешан на собаках. Сейчас, правда, он за ними только ухаживает, а не порывается всем о них рассказать. Джек, ты ведь ему друг, почему ты не можешь оставить Уилла в покое?

– Он самый лучший. В этом его проклятие. Он мыслит как-то по-другому. Никогда не действует по шаблону.

– Уилл считает, что ты хочешь, чтобы он познакомился с материалами дела.

– Конечно, – подтвердил Крофорд. – Никто так хорошо не может анализировать улики. Но есть и другое – воображение, проницательность, называй как хочешь. Он сам-то не очень рад, что это в нем есть.

– А тебя бы не беспокоило, если б в тебе это было? Джек, пообещай мне... пообещай, что присмотришь за ним в случае чего. Если ему придется драться, то это его доконает.

– Ему не придется драться, это я могу обещать.

Грэм покормил собак, и Молли помогла ему собраться.

---

² Имеется в виду одеяло с электроподогревом.

2

Уилл Грэм медленно ехал мимо дома, в котором жили и умерли Лидсы. Темные окна. В саду горел один фонарь. Он оставил машину, проехав пару кварталов, и вернулся к дому пешком. Было темно и тепло. Грэм нес картонную папку с протоколами, полученными в полицейском управлении Атланты.

Сюда Грэм хотел приехать непременно один. Присутствие полицейских будет только мешать. Так он сказал Кроффорду. На самом деле у него была другая причина. Грэм не знал, как будет реагировать на то, что увидит. Ему не хотелось, чтобы на него был постоянно направлен посторонний взгляд.

Морг он выдержал нормально.

Двухэтажный кирпичный дом Лидсов стоял в глубине поросшего лесом участка. Грэм долго стоял, прислонившись к стволу дерева, чтобы успокоиться. Перед его мысленным взором в темноте качался серебряный маятник. Он ждал, пока маятник остановится.

То и дело по дороге проезжали соседи. Бросив осторожный взгляд на дом Лидсов, они быстро отворачивались. Место, где произошла трагедия, для них как бельмо на глазу. Люди относятся к убийству, произошедшему в соседнем доме, как к предательскому удару в спину. На таких домах задерживаются взгляды лишь детей и чужаков.

Грэм с удовлетворением заметил, что занавески на окнах не были опущены. Значит, родственники там побывать не успели. Родственники всегда опускают занавески.

Осторожно ступая и не зажигая фонарика, Грэм зашел за дом. Пару раз он останавливался и прислушивался. В отличие от полиции соседи не знали, кто он и зачем пришел. Появление ночью незнакомца может их напугать. Так недолго и пулю получить.

Грэм заглянул в одно из окон, выходящих в сад. Дом отсюда просматривался насквозь: в свете фонаря, висевшего перед фасадом, виднелись очертания мебели. В воздухе стоял сильный запах жасмина.

Грэм подошел к террасе с зарешеченными окнами. Дверь была опечатана полицией. Сорвав полоску бумаги, Грэм переступил порог и вошел.

Стекло двери, ведущей с веранды на кухню, сняли для экспертизы, вставив взамен кусок фанеры. Подсвечивая себе фонариком, Грэм отпер кухню ключом, взятым в полицейском управлении, и вошел. Ему хотелось зажечь свет. Ему хотелось надеть блестящую полицейскую бляху и как-то поофициальнее представиться, чтобы оправдать свое присутствие перед этим молчаливым домом, где убили пять человек. Но он просто вошел в темную кухню и сел за кухонный стол.

На газовой плите плясали язычки пламени запальников, отбрасывая голубой свет. Пахло яблоками и мебельной политурой.

Вдруг раздался щелчок. Это автоматически включился кондиционер. Грэм вздрогнул, в него вонзились иголки страха. Грэм был со страхом на короткой ноге. Сейчас он с ним тоже справится. Да, он боялся, но знал, что будет продолжать осмотр.

Грэм давно усвоил, что видит и слышит лучше, когда ему страшно; в то же время страх мешал ему четко выражать свои мысли. Но в пустом доме говорить было не с кем и обижаться было некому.

Несколько дней назад в этот дом через дверь кухни пришла беда. На ней были ботинки сорок пятого размера. Сидя в темноте, Уилл просто чувствовал побывавшее здесь безумие, как собака – след.

Еще утром Грэм изучил протокол осмотра места преступления, составленный отделом по расследованию убийств полицейского управления Атланты. Он помнил, что подсветка

вытяжки над плитой была включена, когда приехала полиция. Он поднялся и включил подсветку.

Рядом с плитой висели две вышивки, оправленные в рамки. Одна гласила: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда». Другая утверждала: «И именно на кухню приходят все друзья – услышать сердце дома, погреться у огня».

Часы показывали 11.30. По мнению судмедэксперта, смерть всех пяти членов семьи наступила между одиннадцатью вечера и часом ночи.

Сначала была дверь. Грэм медленно закрыл глаза...

Маньяк поддел крючок на первой двери, покрытой противомоскитной сеткой. Постоял на темной террасе, опустил руку в карман. Достал присоску, может, отломанную от точилки, что прилепляется к столу. Присев перед второй, наполовину застекленной дверью, ведущей на кухню, маньяк осторожно заглянул внутрь. Облизнув присоску, он прижал ее к стеклу, чтобы можно было вырезать круг. К присоске ниткой привязан небольшой стеклорез.

Тихо взвизгнул стеклорез, одна рука сильно нажимает на стекло, другая – держит присоску. Осколок не должен упасть. Вырезанный кусок стекла имеет яйцевидную форму, потому что нитка, которой привязан стеклорез, намоталась на стержень присоски. Неприятный скрип: это он вытаскивает вырезанный кусок наружу. Оставить на стекле следы слюны, по которой можно определить группу крови, он не боится. Вот в вырезанное отверстие пролезает его рука и открывает замок. Дверь тихо отворяется. Преступник входит на кухню. Подсветка освещает его фигуру в незнакомом помещении. В доме приятная прохлада...

Разорвав упаковку, Грэм съел два кусочка мармелада. Громкий хруст целлофана заставил его поморщиться. Он прошел через гостиную, по привычке держа фонарь подальше от тела. Изучив расположение комнат заранее, он тем не менее нашел лестницу не сразу. Ступени не скрипели.

Грэм остановился в дверях самой большой спальни. Его фонарик был выключен, и он едва различал очертания комнаты. Электронные часы на ночном столике отбрасывали блики на потолок. Над карнизом у входа в ванную висел оранжевый ночник. В комнате еще чувствовался сильный, отдающий медью запах крови.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Да, маньяк мог различить, где лежит Лидс, а где его жена. Здесь было вполне достаточно света для того, чтобы пересечь комнату, схватить спящего Лидса за волосы и полоснуть ножом по горлу. А что было потом? Наверное, он зажег свет, поздоровался с миссис Лидс, затем выстрелом ранил ее, чтобы она не двигалась.

Грэм повернул выключатель и тут же сжался, как от боли: с матраца, пола и даже со стен на него смотрели бурые пятна крови. Ему показалось, что даже воздух в спальне пропитан криками захлебывающихся в крови людей. Грэм вздрогнул от этого неслышного шума в тихой комнате, полной подсыхающих пятен крови.

Он тяжело опустился на пол и сжал голову руками. «Спокойно, спокойно», – повторял он про себя.

Хотя все трупы были обнаружены в своих постелях, многочисленные пятна крови разной конфигурации были чуть ли не по всему дому. Полицию это поставило в тупик.

Сначала они решили, что Чарльз Лидс подвергся нападению в комнате дочери, а затем его труп был перетащен в спальню. Однако данные экспертизы заставили их отказаться от этой версии. Следствию никак не удавалось установить последовательность действий убийцы.

Теперь, зная результаты вскрытия и экспертизы, Грэм начал понимать, как все произошло на самом деле. Убийца перерезал горло спящему Лидсу, потом включил свет: на кнопке выключателя остались следы жира и несколько волосков. Он выстрелил в порывавшуюся подняться миссис Лидс и отправился в детские спальни. Лидс с перерезанным горлом пытался защищать детей, при этом кровь из него буквально хлестала, как это всегда бывает при ранении аорты. Потом убийца его оттолкнул, Лидс упал и умер рядом с дочерью, в ее комнате.

Оба сына Лидсов были найдены мертвыми в своих постелях, но у одного из них в волосах были обнаружены пылинки. Полицейские думали, что, услышав выстрелы, ребенок пытался спрятаться под кроватью, но убийца настиг его и там.

Когда все, кроме миссис Лидс, были мертвы, преступник стал крушить зеркала, выбирая подходящие осколки. Затем он вновь занялся женщиной.

У Грэма при себе были протоколы всех вскрытий, в том числе и миссис Лидс. Там было написано, что пуля вошла в правое подреберье и застряла в позвоночнике, но смерть наступила от удушья.

Повышение уровня серотонина и свободного гистамина в крови убитой давало основание полагать, что смерть наступила по крайней мере через пять минут после ранения. Причем уровень гистамина был значительно выше, чем уровень серотонина, – значит, она не могла прожить более пятнадцати минут. Остальные ранения, нанесенные миссис Лидс, видимо, носили посмертный характер.

Если принять, что остальные ранения были нанесены миссис Лидс после смерти, а после выстрела она прожила как минимум пять минут, то что делал в это время убийца? Наверное, он добивал Лидса, убивал детей, крушил зеркала, но даже и это не могло занять у него больше минуты.

Грэму было важно понять, что именно делал убийца в течение этих пяти минут. Эксперты из полицейского управления Атланты знали свое дело. Они все замерили, сфотографировали, исследовали каждый сантиметр, даже раскручивали «стаканы» под раковинами. Тем не менее Грэм хотел увидеть все сам.

Сверившись с фотографиями места преступления и посмотрев на матрасы, где специальной лентой были отображены контуры тел, Грэм понял, где были найдены трупы. Микроскопические частицы несгоревшего пороха, найденные на постельном белье, показывали, что трупы, обнаруженные полицией, лежали примерно так же, как и в момент выстрелов. Оставалось непонятным, почему на ковре в гостиной было так много пятен и даже каких-то полос, напоминающих следы поскользнувшихся ног. Грэм вспомнил гипотезу одного из полицейских. Якобы одна из жертв пыталась уползти от убийцы. Но Грэму это казалось маловероятным. Он был уверен, что убийца зачем-то перемещал трупы, а потом возвратил в то положение, в котором они были убиты.

То, что преступник сделал с женщиной, Грэму было понятно. А какая участь постигла остальных? Убийца не обезобразил их, как миссис Лидс. Дети были убиты выстрелом в голову. Чарльз Лидс умер от потери крови. У него на груди была обнаружена поперечная вдавленная полоса, которая, вероятно, появилась после смерти. Что же убийца делал с трупами?

Грэм вынул из папки фотографии, заключения экспертов о лабораторных анализах органических проб, взятых у жертв, таблицы стандартных траекторий падения капель крови. Чтобы мысленно выстроить события в обратном порядке, он поднялся в спальни детей и тщательно осмотрел каждую группу пятен крови, пытаясь понять, где именно была нанесена каждая рана.

Спустившись вниз, он стал наносить каждую группу на план большой спальни, а потом, сверяясь с таблицами, старался определить направление и скорость полета капель и установить таким образом положение трупов в разное время.

Вот группа пятен дугообразно поднимается по стене и огибает угол. На ковре под ними пятна поменьше. В крови были и обои над изголовьем кровати – с той стороны, где лежал

муж. Схема в руках Грэма уже напоминала картинку-головоломку «Соедини точки», только у него они не были пронумерованы. Он снова и снова переводил взгляд с блокнота на кровавые следы, пока у него не заболела голова.

Грэм пошел в ванную и принял две последние таблетки аспирина, запив их водой, которую набирал в пригоршню из-под крана. Потом он умылся и вытер лицо полой сорочки. Под раковиной растекалась лужа. Грэм забыл, что в поисках улики эксперты сняли «стакан» под раковиной. Все в ванной, за исключением разбитого зеркала и следов красного порошка для снятия отпечатков, прозванного полицейскими «кровь дракона», было как обычно. На полочке аккуратно стояли зубные щетки, баночки с кремом и бритва.

Посмотрев на вещи в ванной комнате, можно было подумать, что Лидсы живы. На сушилке висели колготки. Миссис Лидс не выбрасывала рваные пары, а сшивала из двух одну целую, экономя таким образом деньги. У Грэма защемило сердце: Молли делает так же.

Грэм выбрался через окно второго этажа на крышу террасы и сел на грязную черепицу. Он сидел, обхватив колени руками, влажная рубашка холодила спину. Грэм фыркнул, пытаясь изгнать из себя запах крови.

Ночное небо озаряли огни города. Во Флориде сейчас ясная ночь. Посидеть бы сейчас, как бывало, с Молли и Вилли, глядя в небо и ожидая шипения, с которым, как они договорились, должны по их желанию падать звезды. Тем более сейчас, в самый звездопад.

Грэм снова фыркнул и поежился. Он не хотел сейчас думать о Молли. Это было бестактно и к тому же отвлекало от того, за чем он пришел.

Вкус Грэму изменял часто; нередко его мысли оказывались далеки от изящества. В его голове отсутствовали надежные переборки, разделяющие возвышенное и низкое. То, что он видел и слышал, немедленно выстраивалось в ассоциативные цепочки с образами, хранящимися в памяти. Иногда предугадать их Грэм был не в силах. Увоенные им в процессе жизни ценности – целомудрие, стыдливость – безнадежно отставали, не успевая преградить путь ужасным мыслям, чудовищным образом нападающим на него во сне; для сокровенного в его голове просто не находилось убежища. Ассоциации возникали молниеносно, неподвластные нравственным ограничениям, которые просто не могли за ними угнаться.

Собственная психика представлялась ему как нечто гротескное, но полезное, как, например, кресло, сделанное из рогов оленя. Как бы ни хотелось изменить положение вещей, он был бессилен.

Грэм выключил свет в доме Лидсов и вышел через кухню на террасу. Луч фонарика выхватил из темноты велосипед и подстилку для собаки. Во дворе он заметил собачью конуру и миску около ступеней.

Судя по материалам следствия, Лидсы были застигнуты врасплох во время сна.

Прижав фонарик щекой к плечу, Грэм достал блокнот и записал: «Джек, а что с собакой?»

Грэм сел в машину и вернулся в гостиницу. Часы показывали полпятого утра, шоссе было почти пустынно. Ему приходилось заставлять себя следить за дорогой. Голова все еще болела. Уилл стал искать ближайшую круглосуточную аптеку.

Он нашел ее на Пичтри-авеню. У входа в аптеку дремал неопрятный охранник. Аптекарь в несвежем халате протянул Грэму упаковку таблеток от головной боли. Яркий свет резал глаза. Грэму никогда не нравились молодые аптекари. Они всегда имели вид самоуверенной посредственности и были, как подозревал Грэм, домашними тиранами.

– Вы еще что-нибудь брать будете? – спросил аптекарь, держа пальцы наготове над клавишами кассового аппарата. – Будете еще что-нибудь брать?

Управление ФБР Атланты заказало Грэму номер в нелепого вида гостинице рядом с только что построенным Пичтри-центром. Грэм вошел в прозрачную кабину лифта, имевшую форму стручка молочая, и сразу ощутил, что находится в городе. Вместе с ним ехали два

делегата какой-то конференции с нацепленными на лацканах карточками аккредитации. «Привет!» – было написано на каждой. Пока лифт поднимался, они рассматривали людей сквозь его прозрачные стены и крепко держались за поручень. Тот, который повыше, сказал:

– Ба, гляди-ка! Никак Уилма с ребятами подвалила. Эх, впендюрить бы ей по самое дальше некуда!

– Выдрать, пока кровь носом не пойдет, – подхватил другой.

Страх, животное вожделение и вызванная страхом агрессия.

– Знаешь, чем отличается баба от статуи?

– Чем?

– Статуя сначала падает, а потом ломается, а баба – наоборот.

Двери лифта открылись.

– Приехали, что ли? – удивился тот, что повыше, и, выходя, ударился о дверцу.

– Разуй глаза, обуй ноги, – посоветовал ему приятель.

Войдя в номер, Грэм положил папку с делом на стол, потом подумал и спрятал в ящик, чтобы она не мозолила глаза. На сегодня с него было достаточно мертвецов с широко раскрытыми глазами. Хотелось позвонить Молли, но было слишком рано.

На совещании в полицейском управлении Атланты, которое было назначено на восемь утра, он мало что сможет доложить о результатах осмотра. Грэм постарался заснуть. Голова у него гудела. В сознании раздавалось множество спорящих голосов, а где-то в его закоулках дело дошло до драки.

Грэм чувствовал себя опустошенным. Прежде чем растянуться на кровати, он в каком-то оцепенении выпил полстакана виски. Темнота показалась нестерпимой. Он поднялся, зажег в ванной свет и вернулся в постель. Теперь можно думать, будто это Молли там причесывается.

Грэм слышал свой голос, читающий заключение патологоанатома, хотя он никогда не читал этого вслух: «...следы кала оставлены на... на икре правой ноги следы талька. Перелом медиальной стенки глазницы вызван осколком зеркала...»

Грэм попытался представить себе пляж на мысе Шугалауф, шум прибоя, свой верстак и систему стока для водяных часов, которую они делали с Вилли. Он стал вполголоса напевать «Виски-ривер» и даже попробовал прокрутить в голове «Блэк-Маунтин рэг» от начала до конца. Молли нравилась эта музыка. Партия гитары в исполнении Дока Уотсона у него получилась, а вот со скрипками он запутался. Грэм вспомнил, как Молли пыталась научить его отбивать чечетку, подпрыгивая во дворе... Потом он задремал.

Через час Грэм проснулся, все тело затекло, а белье было мокрым от пота. В неясном свете, пробивавшемся из ванной, вырисовывался чей-то силуэт на второй подушке. На ней лежала миссис Лидс, искусанная, нет – истерзанная зубами, с зеркалами вместо глаз, из которых, как дужки очков, стекали по вискам и за уши струйки крови. Грэм не мог заставить себя повернуться к ней лицом. В его голове что-то оглушительно гудело. Он протянул руку и ощутил сухую ткань под пальцами.

Это его немного успокоило, но сердце продолжало бешено колотиться. Он встал и надел сухую футболку, а мокрую бросил в ванну. Грэм не мог заставить себя лечь на сухую сторону кровати. Вместо этого он положил на простыни широкое полотенце, уперся в спинку кровати, взял стакан с виски и сделал большой глоток.

Он судорожно думал, чем бы занять мысли... Аптека, где он покупал лекарство. За весь день это было единственное место, не связанное со смертью.

Он еще помнил старые аптеки, где стояли автоматы с содовой. В детстве ему всегда казалось, что в аптеках живет хитринка: стоило только войти, и мысли тотчас начинали вертеться вокруг презервативов, независимо от того, нужны они были или нет. Там вообще было много всякого, на чем не полагалось задерживать взгляд.

В аптеке, где он был этой ночью, презервативы в разноцветных упаковках были выставлены в специальной витрине прямо за кассой, словно произведения искусства.

Грэм больше нравились старые аптеки времен его детства. Ему стукнуло почти сорок, а он едва только начинал чувствовать притягательность прошлого, оно было как якорь, тащившийся по дну во время шторма.

Грэм вспомнил Смута. Смут сочетал обязанности продавца содовой и помощника фармацевта – владельца аптеки – в те времена, когда Грэм был ребенком. Смут пил на работе и однажды, поднабравшись, забыл опустить маркизу, и кеды, выставленные на витрине, скукожились под солнцем. Как-то он забыл выключить кофеварку, и пришлось вызывать пожарных. Детям Смут мороженое продавал в кредит.

Свой самый знаменитый ляп Смут совершил в отсутствие хозяина, закупив у оптовика целлулоидных пупсов. Вернувшись, тот приказал Смуту не появляться ему на глаза целую неделю. После этого устроили распродажу пупсов. Пятьдесят кукол усадили полукругом в витрине таким образом, что казалось, будто они в упор смотрят на каждого, кто бы ни остановился перед витриной.

Они представляли собой непривычное зрелище, и Грэм подолгу простаивал перед витриной в каком-то оцепенении, чувствуя на себе их пристальный взгляд, хотя и понимая, что это всего лишь куклы. Витрина, словно магнит, притягивала прохожих. Гипсовые головки украшали одинаковые глупые кудряшки, но пятьдесят пар широко раскрытых васильковых глаз вызывали у него мурашки.

Грэм чувствовал, как напряжение отпускает его. Стекланные глаза... Пристальный взгляд... Он взял стакан, отпил, поперхнулся и закашлялся. Грэм зажег ночник и вытащил из ящика папку с делом, потом взял протоколы вскрытия детей Лидсов и масштабный, с его пометками, план комнаты, где произошло убийство, и разложил все на кровати.

Вот три пятна, тянущиеся вверх по стене в углу спальни, а вот три соответствующих им пятна на ковре. Вот антропометрические данные всех троих детей. Брат, сестра, старший брат. Так. Так. Так. Все так!

Все трое сидели у стены лицом к кровати. Зрители. Мертвые зрители. И Лидс, привязанный к спинке кровати веревкой, пропущенной под мышками так, что казалось, он полусидит в постели. Вот откуда вдавленная полоса на его теле, вот откуда кровь над кроватью. На что же они смотрели? Ни на что. Они были мертвы. Но глаза их были открыты. Они смотрели представление с участием маньяка и мертвой миссис Лидс, разыгрывающееся перед мистером Лидсом, сидящим на кровати. Зрители. Маньяк то и дело оглядывался на их лица.

Интересно, зажигал ли он свечу? Блики света, играющие на мертвых лицах, вполне могли бы сойти за живую мимику. Но свечу не нашли. Может, он в следующий раз до этого додумается?

Первая ниточка, соединяющая его с убийцей, принесла с собой беспокойство и сосущую боль. Покусывая кончик простыни, Грэм продолжал размышлять.

«Почему ты снова передвинул их? Почему не оставил так, как они лежали? – спрашивал себя Грэм. – Ты что-то от меня прячешь. Ба, да ты чего-то стыдился? Или просто знаешь, что, если я узнаю, тебе конец?»

Это ты открывал им глаза?

Миссис Лидс была прекрасна, правда? Ты перерезал ему горло и включил свет, чтобы миссис Лидс увидела, как он захлебывается? Ласкать такую женщину в перчатках... С ума сойти».

«На ее ноге нашли тальк. В ванной талька не было...» – раздался чей-то ровный голос. Почудилось...

«Значит, ты снимал перчатки? Тальк просыпался, когда ты стягивал резиновую перчатку, чтобы погладить миссис Лидс, ТАК, СУКИН ТЫ СЫН? Ты гладил ее голыми руками, снова

надел перчатки и вытер свои отпечатки с ее тела. Но когда ты открывал им глаза, на тебе ведь не было перчаток?»

Джек Кроффорд поднял трубку после пятого звонка. Ему часто звонили по ночам, поэтому лишних вопросов он не задавал.

– Джек, это Уилл.

– Слушаю, Уилл.

– Прайс по-прежнему в отделе дактилоскопии?

– Да, но он почти не выезжает. Занимается картотекой единичных отпечатков.

– Нужно, чтобы он приехал в Атланту.

– Для чего? Ты ведь сам говорил, что дактилоскопист в Атланте тебя вполне устраивает.

– Устраивает. Но Прайс лучше.

– Зачем он тебе? Думаешь, где-то еще остались пальчики?

– Нужно посмотреть ногти женщины. На руках и на ногах. Они покрыты лаком, это идеальная поверхность. И потом, роговицы глаз у остальных. Мне кажется, он снимал перчатки.

– Черт возьми, Прайсу придется поторопиться, – пробормотал Кроффорд. – Похороны сегодня днем.

3

– Я считаю, он все-таки трогал ее, – с порога начал Грэм.

Крофорд протянул ему банку кока-колы, извлеченную из автомата в полицейском департаменте Атланты. Было 7.50 утра.

– Конечно, он же перетаскивал ее с места на место, – согласился Крофорд. – Под коленями и на запястьях синяки. Но все отпечатки в доме оставлены гладкими перчатками. Да ты не волнуйся, приехал Прайс. Ну и ворчливый же он. Уехал в похоронное бюро. Тела забрали из морга вчера вечером, но в похоронном бюро еще не начинали. Ты что такой смурной, не выспался?

– Вздремнул с часок... Ты знаешь, он прикасался к ней голыми руками.

– Хотелось бы надеяться. Хотя дактилоскописты клянутся, что он не снимал резиновых, ну вроде хирургических, перчаток. На осколках те же гладкие отпечатки. На том, что был вставлен в малые половые губы, – указательный палец на темной стороне, смазанный большой – на зеркальной.

– Он его протер после того, как вставил. Скорее всего, чтобы полюбоваться своим изображением, – сказал Грэм.

– На осколке во рту следы крови. В глазах – то же самое. Нет, перчаток он не снимал, Уилл.

– Миссис Лидс была красивой женщиной, – сказал Грэм. – Ты ведь видел ее фотографии? Так вот, мне бы захотелось погладить ее... ну... в интимной обстановке, а тебе?

– В интимной?

В голосе Крофорда послышалось отвращение. Поняв это, он смутился и сделал вид, что ищет по карманам платок.

– Конечно. Ведь они были наедине. Все остальные мертвы. Он, правда, мог открыть или закрыть им глаза – это уж как ему хотелось.

– Как ему хотелось, – повторил Крофорд. – Когда искали отпечатки, изучили каждый квадратный сантиметр ее кожи. И ничего. Нашли только след от руки на шее.

– Кстати, в отчете ничего не говорится об отпечатках на ногтях.

– Ногти, наверное, уже не годятся – все смазали, когда искали под ногтями. Там нашли только ее эпидермис. Убийцу она не царапала.

– У нее были красивые ноги, – задумчиво сказал Грэм.

– Да уж, – буркнул Крофорд и поднялся. – Ну что, пойдём наверх. Войско, наверное, уже в сборе.

Джимми Прайс привез с собой массу оборудования: два тяжелых чемодана, фотоаппарат в футляре и штатив. Грохот, который он произвел, входя в дверь похоронного бюро Ломбарда, был устрашающим. Прайс был болезненного вида старик, и долгая поездка в такси из аэропорта по забитым машинами утренним улицам отнюдь не улучшила его настроение.

Назойливо услужливый молодой человек с аккуратной прической провел его в кабинет, отделанный в пастельных тонах. На письменном столе не было ничего, кроме статуэтки под названием «Руки молящегося».

Когда на пороге появился сам мистер Ломбард, Прайс изучал кончики пальцев молящихся рук. Ломбард придирчиво проверил его удостоверение.

– Мистер Прайс, мне уже позвонили из вашего отдела, или агентства, или как там еще. Но видите ли, вчера вечером нам пришлось вызывать полицию из-за одного невыносимого типа, пытавшегося сделать фотографии для «Нэшнл тэтлер», поэтому я так осторожен. Думаю, вы

понимаете меня. И так, тела мы получили сегодня в час ночи, похороны сегодня же в пять часов вечера. Откладывать, сами понимаете, нельзя.

– Это не займет много времени, – заверил его Прайс. – Мне нужен один толковый помощник, если таковой у вас имеется. Кстати, вы прикасались к телам, мистер Ломбард?

– Нет.

– Тогда, пожалуйста, выясните, кто их касался. Нужно будет у всех взять отпечатки.

На утреннем совещании по делу Лидсов говорили главным образом о зубах.

Начальник следственного отдела полиции Атланты Р. Д. Спрингфилд, кряжистый мужчина в рубашке без пиджака, стоял у дверей вместе с доктором Домиником Принси, ожидая, пока все двадцать три детектива соберутся в дежурной комнате.

– Ну что ж, ребята, давайте улыбнемся, раз уж мы здесь все вместе, – зычно начал он, – покажем доктору Принси наши зубки. Так, отлично, улыбочку пошире. Ну и язычище у тебя, Спаркс. Как, зубам не тесно?

Огромный рисунок передних зубов, верхних и нижних, был вывешен на доске объявлений у входа в дежурку. Он сразу же напомнил Грэму оскал пластмассовой маски из тыквы в виде фонаря. Детективы расположились за школьными столами, Грэм и Крофорд пристроились сзади.

Комиссар общественной безопасности Атланты Гилберт Льюис с начальником пресс-службы полицейского управления заняли места отдельно, на раскладных стульях. Через час Льюису нужно было присутствовать на пресс-конференции.

Слово взял Спрингфилд:

– Итак, начнем. Потихе там, сзади, когда начальник говорит. Если вы читали оперативные отчеты, то поняли, что мы топчемся на месте. Опрос соседей будем продолжать. Расширяем радиус от места преступления еще на четыре квартала. Отдел картотеки и архивов выделил нам двух человек. Посадим их сверять заказы на авиабилеты с журналами проката автомобилей в Бирмингеме и Атланте. Теперь аэропорт и отели. Сегодня опять туда поедете. Да-да, опять, не ослышались. Отловить и допросить каждую горничную, каждого администратора. Ему нужно было где-то помыться. Возможно, остались следы. Если что-то найдете, из номера всех выставить, опечатайте его и быстро звоните в прачечную. А сейчас мы вам кое-что покажем. Доктор Принси, вы готовы?

Доктор Доминик Принси, главный медицинский эксперт округа Фултон, поднялся и встал рядом с рисунком. В руках он держал слепок зубов.

– Посмотрите, вот так выглядят зубы подозреваемого. Специалисты Смитсоновского института в Вашингтоне воссоздали их по следам укусов на теле миссис Лидс и по четкому надкусу на куске сыра, найденном в холодильнике Лидсов, – начал Принси. – Как видите, латеральные резцы у него неправильной формы – так называемые собачьи зубы, вот они. – Принси указал на слепок и рисунок. – Зубы образуют неправильную линию, вот у этого резца отколот кусочек. У другого – выемка вот здесь. Похож на «зарубку портного», которая появляется от постоянного перекусывания ниток.

– Кривоzubый, сукин сын, – вставил кто-то вполголоса.

– А вы уверены, что именно преступник кусал сыр, док? – спросил высокий детектив с переднего ряда.

Принси не нравилось, когда его называли «док», но он не подал виду.

– Слюна, оставленная на сыре и на телах жертв, соответствует группе крови преступника, – разъяснил он. – Зубы и группа крови ни одной из жертв не подходят.

– Хорошо, доктор, – проговорил Спрингфилд. – Мы разошлем фотографии зубов.

– Может, дать об этом материал в газеты? – предложил начальник полицейской пресс-службы Симпкинс. – Что-то вроде: «Не встречались ли вам такие зубы?»

– Почему бы и нет? – отозвался Спрингфилд. – А вы как думаете, комиссар?

Льюис кивнул.

Но Симпкинс еще не закончил.

– Доктор Принси, журналисты непременно поинтересуются: почему на реконструкцию зубов преступника ушло целых четыре дня? И зачем это нужно было делать в Вашингтоне?

Крофорд внимательно изучал кнопку на своей шариковой ручке. Принси вспыхнул, но голос его оставался спокойным.

– Дело в том, что, когда тело передвигают, следы укусов мягких тканей имеют свойство видоизменяться, мистер Симпсон, и...

– Симпкинс.

– Да-да, Симпкинс. К тому же следы укусов на телах жертв не давали полной картины. Другое дело – сыр. Он имеет более твердую структуру, но с него сложно брать слепки. Прежде всего его необходимо обработать жиром, чтобы не допустить увлажнения этой своеобразной формы для литья. Эксперты Смитсоновского института уже делали такие вещи для криминалистической лаборатории ФБР. Они лучше оснащены для такой экспертизы, как снятие угла лицевого изгиба, и имеют анатомический артикулятор. Имеют и судмедэксперта-одонтолога. Мы, к сожалению, ничем подобным не располагаем. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос?

– Значит, по правде говоря, задержка произошла по вине лаборатории ФБР, а не по вашей?

Принси накинулся на него:

– По правде говоря, мистер Симпкинс, именно Крофорд два дня назад обнаружил в холодильнике этот сыр – уже после того, как ваши люди обследовали место преступления. И именно он по моей просьбе ускорил работу вашингтонских экспертов. И по правде говоря, я с облегчением узнал, что сыр откусил не один из ваших людей.

В спор громогласно вмешался комиссар Льюис:

– Никто не сомневается в правильности вашего решения, доктор Принси. Нам, Симпкинс, только склоки с ФБР не хватало. Давайте продолжим.

– Конечно, все мы делаем общее дело, – поддержал Спрингфилд. – Джек, ваши ребята что-нибудь добавят?

Надо было ответить. Смотревшие на Крофорда отнюдь не излучали дружелюбия. Нужно было как-то исправлять положение.

– Хочу лишь прояснить ситуацию. Вплоть до недавнего времени самым важным было первыми подоспеть с наручниками. Каждая сторона – и ФБР, и местная полиция – тянула одеяло на себя. Между нами пролегла трещина, через которую ускользали преступники. Сейчас же в Бюро такая политика непопулярна, и у меня тоже. Честно говоря, и мне, и следователю Грэму плевать, кому будет принадлежать честь произвести арест. Кому интересно – следователь Грэм сидит сзади. Да что там говорить: если человека, которого мы ищем, завтра переедет мусоровоз, я буду счастлив, потому что он больше не сможет выйти на охоту. Думаю, присутствующие со мной согласны.

Крофорд оглядел детективов в надежде, что те поняли и теперь с ними можно будет работать как надо – одной командой. К нему обратился комиссар Льюис:

– По-моему, следователь Грэм уже вел такие дела?

– Да, сэр.

– Можете вы что-нибудь добавить или предложить, мистер Грэм?

Крофорд, прищурившись, посмотрел на Грэма.

– Прошу вас сюда, – пригласил Спрингфилд.

Грэм предпочел бы общаться со Спрингфилдом наедине. Говорить перед всеми ему не хотелось. Но он все-таки подошел.

Весь взъерошенный, до черноты загорелый, Грэм мало походил на следователя. Он больше смахивал на маляра, явившегося в выходном костюме в суд.

Детективы заерзали на стульях.

Грэм повернулся лицом к аудитории, и на его бронзовом лице блеснули льдисто-голубые глаза.

– Я коротко, – начал он. – Вряд ли мы имеем дело с бывшим пациентом психбольницы или кем-то, кто привлекался за развратные действия. Скорее всего, он вообще не проходит по нашей картотеке. А если и проходит, то за незаконное проникновение со взломом. Не исключено, что он уже кого-то кусал во время совершения преступлений – драки в барах, жестокое обращение с детьми. Можно обратиться к сотрудникам «Скорой помощи» или в детские благотворительные организации и проверить все факты нанесения более или менее серьезных укусов, которые они смогут припомнить, независимо от того, кого укусили и при каких обстоятельствах. Вот, собственно, и все.

Высокий детектив с переднего ряда поднял руку и сразу же спросил:

– Пока он кусал только женщин, так?

– Насколько мы знаем, да. Шесть серьезных укусов на теле миссис Лидс, восемь – у миссис Джейкоби. Намного выше нормы.

– Какой еще нормы?

– Три укуса – норма для убийств на сексуальной почве. Он любит кусать.

– Женщин.

– Обычно при сексуальных нападениях в центре укуса имеется синевато-багровый кровоподтек – след засоса. В нашем случае его нет. Доктор Принси отмечал это в протоколах вскрытия, да и я сам осматривал труп в морге – никаких кровоподтеков. Так что для него укус может быть как сексуальным поведением, так и способом нанесения телесных повреждений.

– Негусто, – сказал детектив.

– Все нужно проверить, – продолжал Грэм. – Каждый укус. Люди такие вещи, как правило, скрывают. Родители укушенного ребенка скажут, что на него бросилась собака, даже будут делать ребенку уколы от бешенства, лишь бы скрыть любителя кусаться в семье. Да вы и сами это знаете. Следует выяснить в больницах, кому делали прививки от бешенства. Вот, пожалуй, и все.

Сев на место, Грэм почувствовал, как от напряжения дрожат мышцы ног.

– Раз надо, значит, проверим, – сказал шеф полиции Спрингфилд. – Пойдем дальше. Отдел краж вместе с отделом поджогов займутся собакой. Почитайте материалы дела, там есть фотография пса. Необходимо установить, не крутился ли кто-нибудь возле собаки. Отдел борьбы с проституцией и наркотиками. После дневного обхода проверьте бары, где собираются наркоманы и рокеры. Маркус и Уитман – на похороны. Берите родственников, друзей – своих и жены, – пусть тоже придут и наблюдают. Так. С фотографиями договорились? Прекрасно. Сдадите список присутствующих на похоронах в нашу картотеку. У них уже есть подобный из Бирмингема. Остальные работают по плану. Вперед.

– Одну минуту, – подал голос комиссар Льюис, и вскочившие было детективы снова опустились на стулья. – Я слышал, как некоторые из здесь присутствующих называли убийцу Зубастиком. Так вот, мне все равно, как вы называете его между собой, в конце концов, его ведь нужно как-то называть. Но не дай бог кому-нибудь из вас назвать его так при посторонних. Имя для убийцы несерьезное и звучит как-то кощунственно. Попрошу также не упоминать эту кличку в отчетах и других документах. Теперь все.

Крофорд и Грэм проследовали за Спрингфилдом в его кабинет. Пока тот наливал им кофе, Крофорд названивал по телефону, отдавая бесконечные распоряжения.

– Вчера так и не нашлось времени поговорить с вами, – обратился Спрингфилд к Грэму. – У нас тут сумасшедший дом. Вас ведь Уилл зовут, верно? Кстати, мои ребята дали вам все, что вы просили?

– Да, все в порядке, спасибо им большое.

– Фирма веников не вяжет, – пряча улыбку, сказал Спрингфилд. – Да, мы тут попытались воссоздать его фигуру и походку по следам на клумбе. Кусты он обходил, поэтому мы смогли определить только размер обуви и приблизительный рост. След левой ноги немного глубже, видимо, что-то нес. Да, муторная работа. Как-то пару лет назад мы брали одного грабителя с болезнью Паркинсона, имея только особенность походки. Его тогда Принси вычислил. А сейчас вообще никакой зацепки.

– Зато у вас хорошая команда, – сказал Грэм.

– Так-то оно так, но с подобными вещами мы еще не сталкивались, слава богу. Вот хочу спросить вас. Вы все время работаете вместе? Я имею в виду вас, Джека и доктора Блума. Или собираетесь по таким вот случаям?

– Только по таким вот случаям.

– Типа сборной, да? Комиссар говорил, это вы три года назад взяли Лектера?

– Мы работали вместе с полицией штата Мэриленд, – ответил Грэм. – Его арестовали тамошние полицейские.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.